

Хомелев Геннадий Владимирович, Шутова Татьяна Николаевна

ВОЗВАЩАЯСЬ К ГЕГЕЛЮ: КОНКРЕТНОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ НАУЧНОСТИ ПОЗНАНИЯ

Статья посвящена соотношению абстрактного и конкретного. Новизна научной работы состоит в рассмотрении принципа конкретности как критерия научности познания, инструмента обоснования, доказательства и опровержения его результатов. В заключении статьи делается вывод, что обоснование, доказательство и опровержение являются результатом правильного и последовательного применения принципа конкретности - необходимого условия достоверности и объективной истинности знания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/5/53.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 5(79) С. 190-193. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 165.4; 162.6
Философские науки

Статья посвящена соотношению абстрактного и конкретного. Новизна научной работы состоит в рассмотрении принципа конкретности как критерия научности познания, инструмента обоснования, доказательства и опровержения его результатов. В заключении статьи делается вывод, что обоснование, доказательство и опровержение являются результатом правильного и последовательного применения принципа конкретности – необходимого условия достоверности и объективной истинности знания.

Ключевые слова и фразы: абстрактное; конкретное; принцип конкретности; истина; обоснование; доказательство; опровержение.

Хомелев Геннадий Владимирович, д. филос. н., доцент

Шутова Татьяна Николаевна

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

homelev@yandex.ru; shuttat@mail.ru

ВОЗВАЩАЯСЬ К ГЕГЕЛЬЮ: КОНКРЕТНОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ НАУЧНОСТИ ПОЗНАНИЯ

Абстрактной истины нет: истина всегда конкретна. Это главное положение научной теории познания вообще и диалектической логики в особенности. В силу чего именно *принцип конкретности* следует рассматривать как основной логический инструмент диалектического мышления в его правильной форме. Можно без преувеличения утверждать, что построение диалектической логики, о которой так много говорилось в советские времена, но так мало сделано, возможно только на основе *принципа конкретности*. Это значит, что первый, исходный и основной закон формальной логики (закон тождества) должен быть переосмыслен как закон *конкретного* диалектического тождества, позволяющего оперировать такими понятиями как *отдельное и сопряженное, единичное, особенное и всеобщее* (точнее может быть – *конкретно-всеобщее*), *конечное* (преходящее) и *бесконечное* (вечное), *следствие и причина, случайное и необходимое* и т.д. в их диалектическом единстве и правильной логической форме своего выражения.

Иногда полагают, что мышление по самой своей природе *абстрактно* и что *конкретность* в мышлении не достижима в принципе. Если это так, то мышление вообще никогда не способно выразить и *истину* чего-либо. Ибо предмет всегда есть *это* (конкретное) бытие во всем многообразии присущих ему здесь и сейчас качеств, свойств, связей и отношений, а мышление – только абстрактная фиксация данного наличного содержания, но *не во всей* его полноте, а только *существенного* в нем. Чтобы преодолеть это предубеждение, Гегель в свое время ввел различие понятий рассудка и разума. Деятельность рассудка, согласно представлению Гегеля, состоит в том, что он разделяет конкретное (предмет) на его отдельные (абстрактные) моменты (определения), образуя так называемые *абстрактные* понятия, которые, будучи лишенными своего опосредования, т.е. своей связи с *иным*, с другими понятиями или (что по существу одно и то же) с другими сторонами предмета, оказываются не более чем мертвыми, *неподвижными* определениями. Разумное мышление *приводит их в движение*, связывая различные определения понятий и, тем самым, получает *конкретное* в самом мышлении, как *движение* абстрактных моментов того или иного понятия.

Никто другой, но именно Г. Гегель, этот великий мастер запредельных абстракций и их диалектического синтеза, утверждает, что *абстрактное*, взятое само по себе, значит *не вполне* истинное или даже вовсе *лишенное* истины.

Действительно, наиболее абстрактные понятия, представления, идеи, теории дальше всего отстоят от истины во всей ее полноте.

«Времени не может не быть, так как оно – атрибут материи». Вот высказывание, выражавшее *некоторую* истину. Но сама эта истина превращается в заблуждение, если речь идет не о времени в его *всеобщем* философском смысле, а о времени *моей* или *вашей* жизни, которой может не хватить даже для того, чтобы хотя бы начать задуманное, не говоря уже о том, чтобы его завершить. Сознавая свои силы, и правильно оценивая свое положение здесь и сейчас, мы можем выразить это другим истинным утверждением: «У меня на *это* нет времени». Именно на «*это*», *конкретное* (а не на что-либо иное), у меня, как оказывается, не хватит времени.

Истина конкретна именно потому, что *конкретно* само постигающее мышление, *конкретны* и его *понятия*. Удивительно, что именно Гегель был вынужден провидчески говорить о том, что сами по себе абстрактные определения рассудка нельзя принимать за *понятия*: «...понятия должны быть *конкретными* в себе, должны быть единством не *неопределенным*, но *существенно определенным* и быть лишь *единством определений*». Причем само это единство, согласно Г. Гегелю, должно быть «столь привязано к своим определениям, что, собственно, является единством его самого и определений, так что без определений единство – ничто, оно гибнет, или же... само снижается до лишь неистинной определенности, а чтобы быть чем-то истинным и реальным, нуждается в сопряжении...». «Такова, – заключает Г. Гегель, – природа *конкретности* понятия вообще» [5, с. 378].

Применение такого подхода придает и познанию, и критике научный и диалектический характер. В этом отношении Г. Гегель видел задачу научного метода в том, чтобы, «сочетая понятие конкретного с понятием развития», получить «движение конкретного» [4, с. 30], которое само есть «единство различного» или «единство различных определений» [Там же, с. 29] изменяющегося содержания предмета и нашего знания о нем.

Согласно диалектическим представлениям, всякая сторона предмета есть *часть* своего конкретно-всеобщего, т.е. *целого*. Однако нечто является целым не только в том простом смысле, что оно заключает в себе все свои части, но и в том смысле, что, включая их в себя, оно посредством этих частей оказывается в самом себе *завершенным*, то есть *целым*. Вместе с тем, сама эта завершенность предмета, его целостность является результатом *суммирования* частей в *процессе* развития.

Это значит, что *конкретность* в познании реализуется, прежде всего, как движение восхождения исследующей мысли от абстрактного, неполного, неточного выражения какого-либо результата познания к более полному, более точному, т.е. *многогранному* его выражению соответственно изменившимся предпосылкам и наличным условиям исторического процесса *развития* знаний. *Целостность* целого есть, следовательно, *результат* реального *процесса* и только в качестве такового представляет собой нечто *ставшее*, нечто *завершенное*, но ставшее и завершенное *не абсолютно*, а *относительно*. Поэтому *всеобщее* предмета есть всегда *конкретно-всеобщее*, всеобщее данной *конкретной* ступени его развития и нашего знания о нем.

Хорошо известно, что в забвении принципа конкретности – прямая дорога к *догматизму*, а его субъективистское использование в идейном противоборстве составляет основу наиболее изощренных *софизмов* и *демагогических приемов* в критике [7, с. 133-134, 147-152; 9, с. 101-103, 105-108, 119-125].

Одна из самых распространенных форм демагогической критики заключается в том, что предмет берется не в обвязывающей *здесь и сейчас* конкретности, а крайне абстрактно. Например, хотя и рассматривается в самых различных отношениях, но при этом из всего многообразия точек зрения, фиксирующих эти многогранные отношения предмета, совершенно *произвольно* выпячивается только та его особенность, сторона, которая *здесь и сейчас* полезна, удобна, выгодна. При всей неправомерности и предвзятой односторонности подобных приемов не следует упускать из вида, что выдвигаемая таким образом точка зрения может все же быть существенна, точно так же, как и некоторые другие [6, с. 207]. Но поскольку она берется в отвлечении от конкретных *условий, места, времени*, которые сделали ее *необходимой*, в отвлечении от *других* точек зрения или вне действительной связи с ними, то, даже будучи формальным выражением справедливых и законных требований научного познания, эта точка зрения не приводит к истине, если только соотнести ее с *данными конкретными условиями*, т.е. взять именно в том *существенном* отношении, какого требуют *определенные исторические условия*, поскольку именно они ставят предмет в это отношение и, следовательно, именно они определяют *необходимость данного ее особенного содержания*, а, следовательно, и *данной* точки зрения в научном познании.

Сопряжение моментов исторически развивающегося предмета, его понятия бывает особенно сложным и принимает диалектический характер, если сами эти моменты выступают как противоположности.

Так, любое конкретное *определенное бытие* можно определить как *конечное*. «Это есть конечное». Обычная и вполне понятная форма суждения, которым фиксируется, что «этот» (субъект), во-первых, *обладает бытием* (есть), а, во-вторых, что это его бытие падает, т.е. преходяще, *конечно* (предикат). Кажется, что конечное замкнуто только на самое себя и конечно само от себя без какого-либо сопряжения с чем-то иным. Но это только кажется. Ведь *основанием* конечного в том, что оно преходяще и движется к своему завершению, является нечто прямо *противоположное* ему, а именно – *бесконечное* (непреходящее). Это значит, что бытие конечного есть не только его бытие. Оно суть *опосредовано и необходимо сопряжено* с тем, что ему противоположно, т.е. с бытием бесконечным, непреходящим, вечным. Ибо если бесконечного не существует, то и падение конечного в небытие, его гибель есть безвозвратное разрушение вообще всякого бытия. Из этого следует, что само «*конечное бытие*» должно быть правильно понято не только как *конечное*, но и как в самом себе *бесконечное* [5, с. 417]. Таким образом, из отношения противоположных суждений мы получаем некоторую *новую* форму суждения, которое противоречит правилам формально-логического рассуждения: некоторое логическое А есть и В, и не-В. В этом случае суждение подобного рода означает, что В и не-В – всего лишь моменты А как некоей *целостности* (конкретного единства) своих *противоположных* сторон. Неправильное использование этой логической формы (т.е. когда она применяется абстрактно, *безразлично* к конкретному содержанию) может привести к нормативному скептическому рассуждению, т.е. (в противовес обычной формальной логике) совершенно *произвольному* совмещению любых противоположностей без какого-либо их *опосредования*, т.е. без *обоснования* их *сопряженности и единства*, усматриваемого в *развитии* конкретного содержания предмета, причем так, что в дальнейшем эти «волшебные формулы» используют как бессовестные демагогические приемы или «остроумные» софизмы, применяемые везде и повсюду *произвольно*, т.е. независимо ни от самого *предмета*, ни от его *конкретного* содержания [7-9].

Вот почему для того, чтобы избежать *произвола* в мышлении, необходимо стремиться к *конкретному*, которое *сначала ограничивает произвол*, а затем делает его невозможным. Поскольку, чем *менее конкретно* наше представление, мышление, чем меньше в нем определений предмета, относящихся к самой сути дела или даже полное отсутствие таковых, тем больше места для всякого рода произвольных штаний и выдумок, не способных заполнить эту пустоту хоть каким-либо подобием мыслительного процесса в его правильной форме. Именно это имел в виду Г. Гегель, когда предупреждал об абстрактности и неистинности самого мыслительного процесса, если он в своих определениях, достигнутых на той или иной ступени познания, не ищет *сопряжения* всех определений (моментов познавательного процесса), т.е. движется к *полноте* конкретного.

Без диалектического восхождения от абстрактного к конкретному невозможно говорить ни о доказанности чего-либо, ни об истинности самого доказательства как такового.

Известно, что доказательство есть результат опосредования имеющего логическую природу. Именно благодаря опосредованию, согласно диалектике, осуществляется переход от одного конечного определения к некоторому другому определению. Разумеется, основание такого перехода следует искать в самом характере различенного. Истина опосредования состоит не в пустоте перехода, а в синтезе различных определений, когда нечто непосредственное, абстрактно-всеобщее, благодаря своему опосредованию, обогащается новым содержанием и таким образом вырастает в свое конкретно-всеобщее – в конкретную тотальность целого.

Опосредование как движение, синтезирующее различные определения предмета, представляется особенно важным именно потому, что никакое истинное опровержение невозможно без такого синтеза. Если кто-нибудь не сознает необходимости в синтезе различных определений развивающегося предмета и нашего знания о нем, тогда для него нет необходимости и в самом опосредовании, т.е., по существу, в обосновании связи и переходов различных моментов содержания предмета, следовательно, нет и необходимости в соединении противоположных точек зрения, теоретических позиций и т.п. в научном познании и критики их результатов.

С логической точки зрения опосредование представляет собой именно тот процесс, которым созидаются связи, путем сочленения понятий и порождается необходимость вывода. Термин «опосредование», используемый Гегелем всегда, когда речь идет о механизме доказательства, особенно удачен, поскольку имеет прямое отношение к той роли, которую играет в умозаключении средний термин. Именно средним термином устанавливается связь отдельных частей рассуждения, результатом чего является то, что само рассуждение принимает законченную форму, т.е. форму умозаключения. Логический результат (вывод) оказывается соотнесененным со всем своим логическим целым (рассуждением) посредством средних терминов, т.е. благодаря опосредованию того, что вначале полагается как нечто непосредственное, необоснованное и недоказанное – становится обоснованным и доказанным.

С точки зрения диалектики, «истинное есть целое». А целое – сущность, «завершающаяся через свое развитие» [3, с. 12]. Завершение, применительно к доказательству, есть опосредование, движением которого отдельные моменты (факты, доводы и аргументы) приводятся в систему. Формой проявления движения опосредования является обоснование. Обоснование несистемное, лишенное внутренней целостности в отношении того, что оно устанавливает в качестве истинного (доказательство) или в качестве ложного (опровержение), не достигает всеобщности и представляет собой лишь простую сумму примеров, наблюдений, фактов, аргументов, внутренняя необходимая связь которых до конца не выяснена. Такое обоснование оказывается незавершенным в отношении своей цели и потому всегда недостаточно. Обоснование как инструмент повышения достоверности знания достигает своей цели тогда, когда все, приводимые в качестве доводов и аргументов утверждения, известные в этой области, факты и наблюдения, находятся в согласии друг с другом, поддерживают и объясняют друг друга.

Так, например, для наблюдателя с Земли солнце движется вокруг Земли. Это факт, который долгое время принимался как нечто само собой разумеющееся, бесспорное. Сейчас мы столь же уверенно утверждаем, что дело обстоит как раз прямо противоположным образом. Мы можем сопоставить эти утверждения наличного бытия, т.е. голой фактическости. Они будут утверждениями полной противоположности: (1) «Солнце вращается вокруг Земли» и (2) «Земля вращается вокруг солнца». Согласно правилам формальной логики, два противоположных суждения не могут быть одновременно истинны. Если истинно первое, то второе – ложно. И наоборот: если истинно второе, то первое – ложно. Да, конечно, сегодня мы знаем, что второе утверждение истинно. Но значит ли это, что смена дня и ночи как результат видимого нами с земли движения солнца объясняется именно тем, что земля вращается вокруг солнца? Нисколько. Для понимания и объяснения, наконец, доказательства того, что наблюданное нами вращение Солнца вокруг Земли всего – лишь видимость, кажущесть, потребуется движение опосредования, которое показывает связь этих противоположных утверждений, снимая неполноту и ограниченность каждого из них. Это значит, что дело опровержения совершается не простым отбрасыванием тех или иных фактов, какими бы призрачными они не оказались перед лицом иных, столь же очевидных фактов. Более того, можно утверждать, что обоснование и доказательство не состоялись бы вообще, если бы данные противоположности не были совмещены, не были показаны как связанные в некоторое единство целого.

Таким образом, даже кажущееся должно быть объяснено в своей сущности как кажущееся, т.е. то, что имеет свое объективное основание, а не как нечто не связанное с самим предметом, т.е. как некая субъективная aberrация зрения.

Вместе с тем, истинное обоснование есть то, которое не только стремится все привести в порядок, но и показать необходимость того содержания, основание которого оно выстраивает. Достижение этой цели превращает само обоснование либо в доказательство, либо в опровержение, поскольку и то, и другое невозможны без обычных требований всеобщности и строгой необходимости в выводах. Если всеобщность – отличительное свойство законченного (законченного) обоснования, то, как известно, необходимость – отличительное свойство доказательства и опровержения [1, с. 263, 264, 268, 535, 542, 544]. Логическая форма доказательства, по существу, есть движение от абстрактного к конкретному, через опосредование, т.е. через соединение абстрактных определений понятий, сопряжения их необходимых моментов в конкретное единство, порождающее заключение, причем порождающее его с необходимостью.

В этой связи Г. Гегель в качестве примера абстрактного *формально-логического* умозаключения приводит следующее рассуждение:

1. Все христиане (M) – люди (P).	{Истинно}
2. Все иудеи (S) не есть христиане (M).	{Истинно}
<i>или</i>	
2. Ни один иудей (S) не есть христианин (M).	{Истинно}
Следовательно, все иудеи (S) – не люди. ?	{Ложно}
<i>или</i>	
Следовательно, ни один иудей (S) не есть человек. ?	{Ложно}

С точки зрения правил *формальной логики* это рассуждение является разновидностью неправильного умозаключения *первой фигуры* (*неправильный модус – АЕЕ*). Здесь вывод, несмотря на то, что обе посылки истинны, не является допустимым (*правильным*) выводом этой фигуры, так как имеет значение ложного, а не истинного.

Обращая внимание на эту сторону дела, Г. Гегель замечает, что подобным *формально-логическим* умозаключениям не достает именно *конкретности*, т.е. правильного *сопряжения* своих исходных абстрактных определений в *единство* целого. Поэтому и в истинности вывода должно усомниться. Сам же вывод, при *разумном движении мышления*, исходя из этих посылок, возможен и может быть таким: «Все иудеи не есть *те люди* (*единство* особенного и всеобщего или *конкретно-всеобщее*), которые суть христиане», – при этом не отрицается за иудеями то, что они – люди (*абстрактно-всеобщее*).

Гегель делает весьма точный вывод в отношении того, чего можно достичь средствами формальной логики. Он говорит, что с помощью таких приемов исчисления можно даже невежд «механически научить всей логике», но это «есть худшее из того, что можно сказать о каком-либо изобретении, касающемся изложения логической науки» [2, с. 131].

Таким образом, можно сделать вывод, что логическое *доказательство и опровержение* в познании также является результатом последовательного применения принципа *конкретности*, и именно ему они обязаны своими истинными результатами. Именно это позволяет сделать вывод, что *принцип конкретности* есть критерий *научности* познания и критики его результатов постольку, поскольку является *необходимым условием* достижения *достоверности и объективной истинности* знания. В научном познании *объективность* истины всегда была и остается его целью, а принцип конкретности – наиболее эффективное *средство* достижения этой цели.

Список источников

1. Аристотель. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 687 с.
2. Гегель Г. Наука логики: в 3-х т. М.: Мысль, 1972. Т. 3. 371 с.
3. Гегель Г. Сочинения: в 14-ти т. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. Т. IV. 485 с.
4. Гегель Г. Сочинения: в 14-ти т. М.: Партизрат, 1932. Т. IX. 339 с.
5. Гегель Г. Философия религии: в 2-х т. М.: Мысль, 1977. Т. 2. 573 с.
6. Гегель Г. Энциклопедия философских наук: в 3-х т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. Наука логики. 452 с.
7. Хомелев Г. В. Научная теория критики: опыт философского исследования. СПб.: Изд-во НИИХ СПбГУ, 1999. 172 с.
8. Хомелев Г. В. Понятие критики и ее формы: опыт философского исследования теории и методологии. Л.: ЛФЭИ, 1991. 193 с.
9. Хомелев Г. В. Философские основания научной теории критики. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2002. 128 с.

BACK TO HEGEL: CONCRETENESS AS A CRITERION OF COGNITION SCIENTIFIC CHARACTER

Khomelev Gennadii Vladimirovich, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Shutova Tat'yana Nikolaevna

Saint-Petersburg State University of Economics
homelev@yandex.ru; shuttat@mail.ru

The article is devoted to correlation of the abstract and the concrete. Scientific novelty of the work is in considering the principle of concreteness as a criterion of cognition scientific character, a tool of substantiation, proving and refutation of its results. The author concludes that substantiation, proving and refutation are a result of proper and consistent application of the principle of concreteness – the necessary condition of authenticity and objective validity of knowledge.

Key words and phrases: the abstract; the concrete; principle of concreteness; truth; substantiation; proving; refutation.